

истории русского феодализма является нестороннее конкретно-историческое изучение и нечего дошедшего актового материала эпохи. Следовательно, наша историческая наука не принимает так называемый иллюстративный метод использования актов, а стоит на позициях систематического их изучения. В силу того обстоятельства, что актовый материал является по характеру своему массовым источником, его обработка иногда может производиться статистическим методом. Это может выразиться в группировке актов того или иного вида по времени, по территориальному признаку, по наличию тех или иных форм, запечатленных и определенных формулах актов, по социальному положению лиц, которых акт касается, по формальным данным и т. д. Однако статистический метод не может быть главным методом изучения актов, так как при значительной массовости актового материала до нас дошла лишь очень незначительная его часть. В полемике с С. М. Кацгановым Н. Е. Посов выдвинул убедительные аргументы в обоснование того положения, что даже такие многочисленные акты, как жалованные грамоты XVI в., дошли до нас отовсюду не сплошным комплексом, как утверждает С. М. Кацганов, а очень неполным и случайным комплексом.⁶² Отсюда систематическое исследование актов на основе их хронологического и территориального приурочения не всегда может привести к правильным выводам именно в силу случайности в распределении актов по периодам и по территории. Ведь если от того или иного периода или территории, скажем уезда, мы не имеем жалованных грамот, то это не значит, что они исторически не существовали. Они, может быть, просто не сохранились. Эти соображения Н. Е. Посова, высказанные по поводу методики изучения жалованных грамот, конечно, имеют и общее значение. Несомненные успехи, достигнутые советской дипломатикой в разработке актового материала с позиций марксистско-ленинской методологии, являются надежной основой для глубокого изучения истории русского феодализма.

М. В. БУБЫШКИНА

СОВЕТСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Палеография, как и другие вспомогательные исторические дисциплины, после революции далеко не сразуступила в полосу своего развития. Для дорожестоящих палеографических изданий, требующих часто репродуцирования текстов, в те годы не было необходимой шрифтовой базы, но главное — не было никак специалистов, подготовка которых и окончание ими

⁶² Н. Е. Посов, «Несов» направление в актовом источниковедении, стр. 265—271.

соответствующих наблюдений и материалов для исследования требовали времени. Еще в 1937 г., редактируя сборник, посвященный вспомогательным историческим дисциплинам, акад. А. С. Урлов писал, что «они представляют доныне один из отстающих участков исторического фронта. Но ним и в прошлом мало работ, да и современные не освободились еще от старых традиций».¹

Оценка, данная А. С. Урловым, в целом справедливо отражала действительное положение палеографии и указанные годы. Дореволюционные ученые (некоторые из них работали и после революции — П. П. Лихачев, П. А. Лавров, В. П. Щенкин, В. Ф. Карский) дали нам образцы обстоятельного палеографического анализа ранних памятников письменности, поэтому сохранение старых традиций и подходе к свежим данным первоисточника является положительным фактом и в современной палеографии.

Советские палеографы подошли к созданию своих концепций в 40—50-е годы в результате изучения палеографических данных в их историческом развитии.

В 20-е годы вышли два общих курса палеографии — В. П. Щенкина² и В. Ф. Карского.³ Обе книги были подготовлены еще до революции: первая на основе лекций, вторая является переизданием, переработанным и дополненным, дореволюционной публикации. Однако дополнения и переработка отдельных глав в книге В. Ф. Карского сводились главным образом к привлечению новых материалов и к проверке использованных ранее, не затрагивая по существу книги и основных теоретических положений автора.

Первый общий «Курс русской палеографии», созданный в советские годы М. Д. Приедикомым, был издан литографированным способом в 1938 г. Предназначался он для студентов-заочников. Этот курс концептивен и не дает нового палеографического материала. Построен он традиционно, по основным аспектам палеографического исследования, однако автор затронул вопросы, которые нашли соответствующий отклик или стали предметом дискуссии в последующих работах.

В послевоенные годы вышли два обстоятельных учебных курса «Русской палеографии»: первый — П. С. Чаева и Л. В. Черенина,⁴ второй — Л. В. Черенина,⁵ а также конспект курса А. Т. Николаевой под редакцией А. А. Зимина.⁶

Книга Л. В. Черенина широко обсуждалась до опубликования и вызвала многочисленные отклики после выхода в свет, ко-

¹ Вспомогательные исторические дисциплины, М.—Л., 1937, от редакции.

² В. П. Щенкин. Сборник русской палеографии. М., 1920 (2-е изд., 1937).

³ В. Ф. Карский. Сравнительная вирманская палеография. Л., 1928.

⁴ П. С. Чаев и Л. В. Черенин. Русская палеография. М., 1947.

⁵ Л. В. Черенин. Русская палеография. М., 1956.

⁶ А. Т. Николаева. Русская палеография. М., 1950.

которые сами по себе дали ценный материал для развития палеографии. Наконец, в 1963 г. вышла обзорная работа Л. П. Жуковской, которая подводит итоги развития палеографии и заостряет внимание на целом ряде проблем.⁷

Паряду с общими курсами в 20-е и последующие годы была издан ряд исторических руководств для начинающих основы палеографии. Так, в 1925 г. Н. М. Каринский опубликовал «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (М.). В 1939 г. вышел альбом А. П. Селинцев «Образцы древнерусского письма XI—XVII вв.» (М.); в 1940 г. С. С. Гадзевич под редакцией Н. П. Устюгова подготовил «Учебное пособие для практических занятий по палеографии» (М.); в том же году П. В. Степанов опубликовал «Учебный палеографический альбом. Снимки с русских рукописей XI—XVIII веков» (М.). В палеографическом альбоме можно приписать учебное пособие «Русская палеография» (М., 1966), подготовленное М. П. Тихомировым и А. В. Мурановым. В нем текст, впрочем, как и текст в работе П. В. Степанова, представляет собой краткий конспект палеографии, имеющий практическую цель — познакомить учащихся с основами палеографических знаний. Полная же часть книги занята таблицами (более 100) с репродукциями разных образцов рукописей. Пособие рассчитано прежде всего на историков. Большинство репродукций выложено с исторических документов — различных грамот, деловых писем и т. д. По сравнению с вышедшими ранее руководствами, что делает особенно ценным данное, в нем много воспроизведенных текстов документов XV—XIX вв.

Книгой М. Д. Приселкова, который, в отличие от предшествовавших палеографов-филологов, историк, была начата polemica, продолжающаяся и по сей день,⁸ о неодинаковом значении палеографии для исторической и филологической наук, а отсюда — о различном понимании и определении задач палеографии. В 1920 г. В. П. Щецкин писал: «Палеография есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследующая письменные памятники с внешней их стороны с целью определить время и место их возникновения».⁹ Но уже Е. Ф. Карский в 1928 г. дал более широкое определение палеографии как науки: «Палеография занимается исследованием происхождения, видоизменения и распространения писем и всего относящегося к последним: материала, на котором писали, способ письма, писцов

⁷ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963. См. также: П. П. Рогов. Ред.: Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии. Изв. АН СССР, серия литературы и языка, т. XXIV, 1965, стр. 552—553.

⁸ См.: Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 97—98.

⁹ В. П. Щецкин. Учебник русской палеографии, стр. 4.

и т. п. Такова общая цель палеографии.¹⁰ Развивая далее свое понимание конкретных вопросов, которыми должна заниматься палеография, Е. Ф. Карский относится к ним: 1) указание способов чтения старинных рукописей, 2) отличие подлинных от подложных и 3) точное определение времени и места создания рукописей.

По мнению М. Д. Присецкого, для историка, в отличие от филолога, при палеографическом анализе недостаточно только ответа на вопросы, где и когда была создана рукопись. В задачи палеографии, указывал Присецкий, помимо изучения внешних данных рукописи, входит разнообразная помощь «научающему рукописный текст и деле выяснения истории текста и его датировки».¹¹

Таков расширительное толкование задач палеографии, при котором они частично совпадают с задачами текстологии, нашло отражение в книге М. В. Черешнича, но вызвало острую критику М. И. Жуковской. М. В. Черешнич в своем учебнике, а вслед за ним и А. Т. Николаева дали, на наш взгляд, точное и краткое определение палеографии: это одна «из вспомогательных исторических дисциплин, изучающая внешние признаки рукописных памятников... в их историческом развитии».¹² Но в дальнейшем тексте введения, раскрывая свое понимание палеографии как практической науки и, видимо, желая избежать обвинений в формальном подходе к первоисточнику, М. В. Черешнич пишет, что рассмотренные им практические задачи палеографии «решаются прежде всего на основе анализа содержания рукописей». Изучение же внешних признаков рукописей дает лишь дополнительный материал для решения поставленных вопросов».¹³

Это утверждение М. В. Черешнича, противоречащее выше приведенному определению палеографии, М. И. Жуковская справедливо считает неверным, упрекая автора в том, что некоторые из перечисленных им палеографических задач относятся к области текстологии. Однако трудно согласиться с тем ограничением задач палеографии, на котором настаивает сама Жуковская. В своей полемике с историками она была нужным не только отметить достижения и развитие русской палеографии, остановиться на спорных вопросах, но и дать свое определение па-

¹⁰ Е. Ф. Карский. Словесная юридическая палеография, стр. 1.

¹¹ М. Д. Присецкий. Вузская палеография, стр. 1.

¹² М. В. Черешнич. Русская палеография, стр. 3; А. Т. Николаева и др. Русская палеография, стр. 4; с таким определением не согласен П. П. Розов, который в рецензии на книгу М. И. Жуковской пишет (и прав ли действительно), что определение палеографии как «вспомогательной исторической дисциплины» показывает, до чего «может довести инородившие палеографию как полиграфическую историко-филологическую дисциплины, тесно связанной своим происхождением и предметом изучением историей русского языкознания» (стр. 553).

¹³ М. В. Черешнич. Русская палеография, стр. 18.

леографии — ее метода и предмета: «Палеография — паука, изучающая древнее письмо». «В более широком плане, — уточняет далее М. П. Жуковская, — палеографию можно понимать как историю письма... Под письмом в этом случае понимают графическое (буквенное или иное знаковое) изображение звуков или сочетаний звуков человеческой речи. В палеографии изучаются не только сами буквенные знаки и их эволюция, но и материалы и орудия письма, которые также не оставались неизменными».¹⁴ Споря с «некоторыми учеными», она отрицает правомерность включения в самостоятельную задачу палеографии: 1) установление подлинности древнего текста и 2) умение читать древние рукописи. Мотивирует М. П. Жуковская это тем, что вопрос о подлинности рукописи решается якобы сам собой в результате определения времени написания текста, а умение читать относится к области лингвистики. С этим согласиться невозможно. Разве установление более или менее точной даты рукописи (по палеографическим данным) снимает вопрос о принадлежности этой рукописи определенной мастерской, известному лицу или писцу, что безусловно пишется также одной из основных задач палеографии. Что касается чтения рукописей, то, как правило, для исследователя затруднение складывается не содержание, а графическое изображение текста, пониманию которого без палеографических навыков часто является препятствием для правильного прочтения. Таким образом, исходя из буквального понимания термина «палеография» (образованного, как и любой термин такого рода, искусственно) и заострив особое внимание на начертании буквенных знаков, М. П. Жуковская необоснованно сужает задачи палеографии не только по отношению к пониманию их советскими историками, но и по отношению к лингвисту Е. Ф. Карскому, определение которого она, по сути дела, повторяет. Подходящее по времени определение предмета и задач палеографии принадлежит М. П. Тихомирову и А. В. Муравьеву. По их мнению, палеография не вспомогательная, а «специальная историческая дисциплина», которая исследует не только письменные, но и «печатные памятники с их внешней стороны».¹⁵

Как уже говорилось, в первые последеволюционные годы общими курсами палеографии страшились традиционно, по основным аспектам палеографического исследования. Впервые такое положение было нарушено М. П. Сперанским, лекции которого, по отзыву Н. В. Устюгова, были «первым опытом восстановления курса палеографии в соответствии с требованиями современной науки. Развитие письменности в курсе М. П. Сперанского было орга-

¹⁴ М. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹⁵ М. П. Тихомиров и А. В. Муравьев. Русская палеография, стр. 3.

тически связано с экономическим, социальным и политическим развитием Русского государства».¹⁶

В «Русской палеографии» П. С. Чаева и Л. В. Черенина была сделана попытка рассмотреть историю русского письма в связи с развитием письменности. Однако, как отмечал Устюгов, авторы не смогли преодолеть формального принципа в расположении материала и излагали историю письменности в отрыве от социально-экономического и культурного развития страны. «Иногда, встречаются отдельные намеки на такую связь, но они по развитию подлежащим образом, не приведены в систему, разброшены».¹⁷

В «Русской палеографии» Черенин учел, по его собственным словам, указания критиков.¹⁸ Он рассматривает историю письма на широком фоне развития русской письменности, привлекая для этого обширный круг новых памятников, им впервые введенных в курс палеографии, а также расширяет иллюстративный материал по всем разделам палеографии. Но, главное, автор делает новую попытку, вслед за М. П. Сперанским, периодизации палеографии не в традиционной форме, а в соответствии с общенациональной периодизацией и «в тесной связи с хозяйственными, социальными, политическим и культурным развитием русского государства».¹⁹ Однако общерусский аспект материала слишком узок автора, и он не смог найти нужного соотношения между социально-экономическими фактами, с одной стороны, и палеографическими данными — с другой. Эта особенность курса «Русской палеографии» Л. В. Черенина и то, что автор «сильные упрощенно и прямолинейно»²⁰ трактует зашнурованность письменности и даже в письме от социально-экономических явлений в обществе, нередко заменяя конкретное выражение словесными тирафретами, вызвали вполне справедливые критические замечания по адресу книги. В рецензии на книгу Л. В. Черенина Е. Э. Гранстрем указывает пути, по которым должен пойти исследователь палеограф, намечая периодизацию для истории письма. По ее мнению, шестинное оформление руко-

¹⁶ П. В. Устюгов, Рец.: П. С. Чаев и Л. В. Черенин. Русская палеография, стр. 111. Ср. приведенный отрывок П. В. Устюгова о работе М. П. Сперанского с его же отзывом в «Русской палеографии» Л. В. Черенина: Рец.: Л. В. Черенин. Русская палеография. Истор. архив, 1957, № 3, стр. 240.

¹⁷ П. В. Устюгов, Рец.: П. С. Чаев и Л. В. Черенин. Русская палеография, стр. 110.

¹⁸ Л. В. Черенин. Русская палеография, стр. 70.

¹⁹ П. В. Устюгов, Рец.: Л. В. Черенин. Русская палеография, стр. 240.

²⁰ В. И. Палларова, Р. Г. Осипова. О книге Л. В. Черенина «Русская палеография». Информ. бюлл. Главного архивного управления МВД, М., 1957, № 6, стр. 73. См. также: Е. Э. Гранстрем. Рец.: Л. В. Черенин. Русская палеография. М., 1956. История СССР, 1958, № 2, стр. 160.

писи зависело не только от содержания и назначения рукописи, но определялось также требованиями заказчика, который мог принадлежать к разным слоям общества. Этот факт возможно проследить даже на памятниках XI в. Гранстрем обращает внимание также на необходимость тщательного палеографического исследования делового письма, которое используется на протяжении многих веков, но до сих пор не установлено, когда оно появилось, каковы его взаимосвязи с другими типами письма на разных этапах развития и каковы функции каждого из типов. Ответ на эти вопросы, «вероятно, дал бы возможность определить, каковы потребности и каких слоев древнерусского общества служили разные типы письма»²¹ Писче говоря, необходимо более обстоятельно и определенно наметить периодизацию истории русского письма, что является одной из важных проблем русской палеографии.

Несмотря на разногласия в определении метода и задач палеографии, все советские ученые палеографы сходятся при определении предмета палеографии и самом слове: палеография изучает рукописные памятники, написанные на пергамене и на бумаге, а также на бересте (в связи с последними находками берестяных грамот).

Дореволюционные палеографы ограничивали хронологические рамки научных памятников, как правило, XVII в., причем особенно тщательно исследовали уставное и полууставное письмо, которое преимущественно использовалось для написания богословских и литературных текстов. С конца 30-х — начала 40-х годов XX в. советские палеографы приступили к разработке палеографии документальной деловой письменности XV—XX вв. Началом этому положено работами И. Ф. Колесникова. В своих статьях, сопровождаемых необходимыми таблицами воспроизведений, он дал новый и существенно значимый материал для разработки данной проблемы, уделяя особое внимание вопросам как типичному для такого вида первоисточников письму. Для обобщения палеографического анализа документальной письменности И. Ф. Колесников предлагает собрать материал «графический, языковой и формально делопроизводственный, поскольку для последние являются неотъемлемой составной частью палеографии документальной письменности названного периода».²² В отличие от палеографии рукописной книжности, основная задача которой, по мнению Колесникова, состоит в определении времени и места написания рукописей датированных, главной целью палеографии документальной «является правильно читать, скоро-

²¹ Е. Э. Гранстрем. Ред.: Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 162.

²² И. Ф. Колесников. Палеография документальной (архивной) письменности. Архивное дело, М., 1939, стр. 19, 52.

пись, как типовое письмо ее по всем разнообразиям скорописных почерков, бытовавших в разное время на протяжении от XV до XX века, почерки центральных учреждений и местных, белое письмо и черное, так называемые долгие и всякие другие пометы на рукописях, сокращения и условные знаки, все графические особенности русской, украинской и белорусской письменности и, наконец, индивидуальные почерки исторических лиц.²¹ Некоторые из этих суждений И. Ф. Колесникова были восприняты авторами последующих курсов палеографии: умение правильно читать вошло в определение палеографии как одна из ее основных задач, и частности в курсе «Русской палеографии» П. С. Чаева и Л. В. Черешнина. В этом курсе было уделено большое внимание палеографии документальной письменности, которой отведены специальные разделы по векам, и более подробно исследуются графика скорописи XVIII в., приводятся разные варианты начертаний ее отдельных букв, рассматриваются особенности скорописного письма: русского, белорусского, украинского. Авторы отмечают, что скоропись XVIII в. развивалась в направлении унификации букв у отдельных писцов, она приобретала все более единый характер, количество пышных букв сокращалось, по виду русская скоропись напоминала латинизирующую.

Дальнейшее изучение русской скорописи XVIII в. было предпринято в «Русской палеографии» Л. В. Черешнина и в работе А. Шницла «Русский гражданский шрифт 1708—1958» (М., 1959). Черешнин дал подробное описание изменений график скорописи XVIII в. за два столетия, воспроизвел для наглядности буквы в таблицах. По его мнению, на создание графической основы скорописи начала XVIII в. оказали влияние разнообразные начертания букв в рукописных азбуках конца XVII в., особенно в букваре Карпова Петомина, который «может служить исходной точкой для изучения дальнейшего развития русской письменности в XVIII веке». Существенное влияние, по мнению Черешнина, на развитие русской графики оказало также шедение в России гражданского шрифта.²²

Совсем к иному выводу о взаимоотношении гражданского шрифта и графики рукописного письма приходит А. Г. Шницал в упомянутой выше книге, в которой одна из глав посвящена графике московского письма конца XVII—начала XVIII в.²³ Автор подходит к изучению графики русского письма XVIII в. с иной целью, чем палеографы, а именно чтобы выявить графи-

²¹ Там же, стр. 19, см. также статью «Столбцы» (Архивное дело, М., 1930, № 2/50, стр. 28—59).

²² Л. В. Черешнин. Русская палеография, стр. 475.

²³ Эта глава переработана автором по сравнению с текстом ее в книге А. Г. Шницла «Графическая основа русского гражданского шрифта» (М., 1947).

ческую основу гражданской азбуки. В результате исследования графики разновременных скорописных почерков А. Шницгалом составлена полезная для палеографов таблица сравнительного анализа начертания букв славяно-русского письма XV—начала XVIII в. и сделаны интересные выводы. Так, А. Шницгал отрицает обоснованность существующего в палеографии мнения, что введение гражданского шрифта в России сыграло большую роль в изменении графики русского письма в начале XVIII в.: «Здесь скорее имел место обратный процесс: русский гражданский шрифт был создан на основе рукописного почерка начала XVIII века. Это не исключает, однако, возможности того, что после введения гражданского шрифта последний оказал некоторое воздействие на графику письма».²⁶ Шницгал предлагает различать в графике русского письма начала XVIII в. два вида: гражданскую скоропись, почерк письма, которым писали письма и документы, и гражданское книжное письмо, занимающее промежуточное положение между полууставом и скорописью, письмо, по определению автора, «медленно написанное», которое «встречается и особо нажных грамотах, особых письмах». «В документах же, и возможно и рукописных книгах, это письмо, несколько видоизмененное, — пишет Шницгал, — начинает применяться после введения в России гражданского шрифта». Автор отмечает, что только в XIX в. графика русского письма полностью освобождается от «церковнославянизмов».²⁷ Остановившись подробно на особенностях двух видов письма начала XVIII в., А. Шницгал делает вывод, что «существующая в русской палеографии классификация почерков нуждается в пересмотре». Деление письма на книжное и деловое, по его мнению, «возможно для всех этапов развития русской письменности».²⁸

Графике русской скорописи XVIII в. посвящена также большая статья Н. Г. Королевой и А. К. Панфиловой, которые изучили 76 документов и на основании их проследили процесс развития графики. В результате ими была составлена таблица изменений буквенных начертаний по алфавиту в пределах двух полувеков.²⁹

Таким образом, включая в обиход курсы палеографии рукописные тексты XVIII в., советские ученые уже расширили существовавшие до революции хронологические рамки предмета палеографии. Вместе с тем все возрастающая потребность в изучении исторических рукописных материалов недавнего прошлого побудила Н. Ф. Колесникова еще в 40-е годы поставить вопрос, вы-

²⁶ А. Шницгал, Русский гражданский шрифт 1708—1958, стр. 76.

²⁷ Там же, стр. 74.

²⁸ Там же, стр. 76.

²⁹ Н. Г. Королева и А. К. Панфилова, На истории графики XVIII в. Труды Моск. гос. историко-архивного института, т. 10, 1957, стр. 408—411.

важны противоречивые суждения, о палеографическом исследовании рукописных текстов XIX—XX вв., исключая индивидуальные почерки исторических лиц.³⁰ Сознавая, что в результате такого расширительного понимания предмета палеографии ее задачи вступают в противоречие с самим термином «палео» — древний, «графо» — пишу, Колесников в статье «Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для исторической и архивной работы» отмечал, что название науки явно устарело и не соответствует ни по объему, ни содержанию понятию дисциплины, носитель этой название. Упоминание о «древности» суживает предмет палеографии. В подкрепление своих мыслей П. Ф. Колесников ссылается на Р. Ф. Грабшта, утверждавшего еще в 1908 г., что «даже новейшие произведения пера могут быть исследованы по тому же способу, который применяется к рукописям старинным», и предлагающего переименовать палеографию в «письмоведение» (по образцу названия наук «языкознание», «родоведение»);³¹

Идея Колесникова об использовании палеографических методов для исследования документов нового времени, в частности рукописных текстов исторических лиц, была воспринята Л. В. Черешниным. Черешнин анализирует рукописи Пушкина, Лермонтова, Белинского, Гоголя и других писателей первой половины XIX в. Но в отличие от Колесникова, предлагающего раздвинуть рамки палеографического исследования исключительно по XX в., отрицательно их серединой XIX в. Черешнин отмечает, что уже к середине XIX в. «выходит в употребление стальное перо», что «скоронись, с одной стороны, упрощается, с другой — почерка отдельных авторов . . . индивидуализируется».³² Черешнин также ставит вопрос об изменении термина «палеография», когда речь идет об исследовании рукописных материалов нового времени: «Может быть, наряду с термином „палеография“, закономерно вклинит в научный оборот термин „неография“, обозначая им вспомогательную дисциплину, изучающую внешние признаки рукописных памятников с XIX примерно века, когда письменность приобретает ряд новых черт».³³

Вопрос о расширении хронологических рамок палеографического анализа на рукописные тексты XIX и XX вв. и в связи с этим терминологические поиски продолжают волновать и последующих исследователей.³⁴ «Было бы ошибочным механически пе-

³⁰ П. Ф. Колесников, Палеография документальной (архивной) письменности, стр. 19.

³¹ Архивное дело, 1940, № 2/54, стр. 17.

³² Л. В. Черешнин, Русская палеография, стр. 573.

³³ Там же, стр. 573.

³⁴ Характерно, что с той же проблемой столкнулись зарубежные палеографы. Один предлагает ограничить ее предмет временем до конца XVII в., а потом изучение нового письма называть «неографией» (курс

решить предмет и методы древнерусской палеографии на новое время», — справедливо пишет С. А. Рейсер.¹⁶ Но здесь же утверждается о допустимости употребления термина «палеография» для изучения «намятников письменности нового времени», ибо этот термин применяется в настоящее время не в своем этимологическом значении, а в качестве определения вспомогательной исторической дисциплины об особенностях письма и его материалах. К объектам изучения палеографии нового времени Рейсер относит материалы письма (бумага, чернила), орудия письма (гушиное перо, метааллическое перо, карандаш), способы записи (писарь, пишущая машинка, стенография), графика (почерк). Мы не берем судить в данной статье, прав ли автор, рассматривая машиннописные и стенографические тексты, а также фото, рото и другие механические воспроизведения как объекты палеографического исследования в его узком понимании данного термина. Но вызывает определенное возражение тот факт, что документы и рукописные книжности XVIII в., имеющие все данные для палеографического анализа, свойственного более ранним рукописям, приравниваются при исследовании к названным выше материалам.

Совершенно противоположное суждение о предмете и хронологических границах палеографического исследования высказывает Л. П. Жуковская. По ее мнению, статья С. А. Рейсера «не имеет отношения к палеографии. Палеография по своему смыслу есть учение о древнем письме»,¹⁷ а распространение палеографического анализа на скорописные документы и памятки XIX—XX вв., включая индивидуальные почерки исторических лиц, как это делает И. Ф. Колосников и Л. В. Черныш, с ее точки зрения, «незаконмерно». Строго придерживаясь традиций предшествующих исследователей, Л. П. Жуковская считает, что для палеографии характерно изучение «изменений отдельных почерков букв

палеографии и географии читался в Польше для архивистов *Archivon*, XXI, 1952, стр. 223). Другое, как K. Rybc, *Protivopozicna Palaografija des Mittelalters Handscriftenkunde der Neuzeit* — по ред. K. Miska *Storia Italiana*, 1953, т. 65; С. П. Галл. Судьбы палеографии. Археограф. ежегодник за 1961 г., М., 1962, стр. 464. На XXII конференции Международного центра египтологии, который был посвящен египт. письму с национальной психологией (май 1960 г.), известным французский палеограф Р. Мариньяк предложил для «более близкого и знакомого нам периода» палеографам построить «социологию письма» с учетом роли различных общественных групп, определить областные и национальные особенности и степень их влияния, наконец, построить «графологию» и «характерологию» лиц на такой основе, где возможен контроль посредством обращения к текстам и палеографии (И. П. Малюк. Что такое палеография. Вопросы истории, 1966, № 2, стр. 212—213).

¹⁶ С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени. Проблемы источниковедения, X, 1962, стр. 393.

¹⁷ Л. П. Жуковская и. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 123.

во времени», а не «трафиологическое исследование».³⁷ поэтому дисциплина, занимающаяся изучением и описанием документов XIX—XX вв., «даже с натяжкой не может быть названа палеографией». «Но поднятому, крайней границей палеографии, идет далее Жуковская, — можно признать первую четверть XIX века, так как примерно с этого времени в России прекращается рукописание на бумаге с водяными знаками. Тем самым отпадает для исследователя один из важных аспектов палеографического изучения бумажных рукописей».³⁸

С таким искусственным и мало обоснованным предположением Л. П. Жуковской согласиться трудно и можно привести ряд возражений. Прежде всего наличие филиграней хотя и является важной стороной палеографического анализа, но отнюдь не безусловной. Наличие даты, соответствующей внешним данным рукописи, делает излишней датировку ее по филиграням. Кроме того, встречаются поздние рукописи на пергамене, бересте, которые, естественно, не имеют филиграней, или ранние на бумаге без водяных знаков, но также подлежащие и палеографическому анализу. С другой стороны, первая четверть XIX в. не предел для датировки по филиграням, бумага с филигранями изготавливалась вплоть до 50-х годов, а затем их сменили итемподы. И, наконец, при такой формулировке из поля зрения палеографии совершенно исключаются поздние рукописные книжности, которая вплоть до настоящего времени создавалась и генералом равных нашей страны отдельными представителями старообрядчества.³⁹

Вместе с тем такая архаичная книжность, разумеется, не занимает монопольного положения среди рукописных материалов XIX—XX вв., которая является предметом интереса широкого круга историков, литературоведов и лингвистов. Потребность во внешнем предварительном исследовании подобных текстов велика, поэтому и вопросу о характере такого исследования, его методах и задачах, а также и названию самой дисциплины советские ученые возвращаются и при решении частных проблем палеографии. В статье «О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо» П. П. Берков отмечает, что существенного значения не имеет, как будет называться дисциплина, изучающая рукописи нового времени, и все-таки предлагает новый термин для ее названия — «сисотерография» (*сисотерос* — более новый, младший).⁴⁰

³⁷ Там же, стр. 103.

³⁸ Там же.

³⁹ П. П. Малышев. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX в. Изв. Карель-Финской научно-иссл. базы АН СССР, № 1, Петрозаводск, 1949, стр. 73—80. См. также: П. Ю. Бубнов и А. П. Копысов. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР, 1965, Матер. и сообщ. по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР, М.—Л., 1966, стр. 200—201.

⁴⁰ П. П. Берков. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. Исследования по отечественному истиннознавдению. Сб. ста-

Статья И. И. Беркова интересна для палеографов, занимающихся текстами нового времени, в но своем основном выводе, сделанном им в результате накопленных наблюдений над изучением процесса создания скорописного почерка XIX в. Этот процесс, который совершился, по мнению И. И. Беркова, в течение последней трети XVIII в., состоял: а) в постепенном сокращении и затем полном отказе от титл и выносных букв; одновременно в письме XIX—XX вв. появляется ряд сокращенных написаний («и т. д.», «и др.», «и пр.»); б) в переходе к связному, не к буквенному письму; в) в отказе от старинных букв; г) в появлении новых, до того не встречававшихся начертаний.⁴¹

Таким образом, приведенные высказывания и предложения ученых разных специальностей свидетельствуют, что проблема содержания «палеографии» памятников письменности нового времени и терминологические поиски вполне современны. Однако положительное решение этих вопросов может быть дано лишь в результате обобщения конкретных наблюдений, отложившихся при исследовании разных аспектов поздних рукописных материалов с их письменной стороны. В настоящее время, судя по упомянутой литературе, подобное изучение только лишь началось, хотя вопрос об этом возник еще в начале века.

В течение 50—60-х годов значительных успехов достигли советские ученые в области палеографии берестяных грамот и сами с их находками. В исследовании берестяных грамот принимали участие М. П. Тихомиров, Е. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, В. И. Борисовский и Д. С. Михачев, Д. А. Андусип, М. В. Щенкина, Л. П. Жуковская. В книге Л. П. Жуковской изучению палеографии берестяных грамот этими учеными посвящен специальный параграф.⁴² После работы Л. П. Жуковской в 1966 г. была опубликована еще рецензия Д. С. Михачева на книгу В. Л. Янина,⁴³ в которой рецензент предлагает дать науке, изучающей берестяные грамоты, новое название — берестология.⁴⁴ Так или иначе, т. е. будет ли заниматься изучением грамот берестология или их изучение будет отнесено к особому разделу палеографии, лингвистический и палеографический анализ текстов раннего деэпоного письма, которое дошли до нас грамоты на бересте, дал ценный материал, значение которого для развития палеографии еще в полной мере не определено.

тей, посвященных 75-летию профессора С. П. Палла, М.-Л. 1964, стр. 37.

⁴¹ Там же, стр. 49—50.

⁴² Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 109—110.

⁴³ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту, М., 1965.

⁴⁴ Д. С. Михачев. Рец.: Новая наука — берестология. Новый мир, 1966, № 2, стр. 274—274.

В советские годы трудами М. В. Бражникова⁴⁵ разработана новая область палеографии — палеография потных рукописных документов. В своих работах Бражников исследует почерковые рукописи XI—XIX вв., имеющие характерные только для них палеографические особенности, на основе которых возможно датировать и установить место создания рукописей. Например, он намечает некоторую условную параллель между буквами и знаменами и предлагает разделить знамена по примеру письма на «уставные», «полууставные» и «скорописные».

В книге М. В. Бражникова целая глава посвящена церковно-славянской палеографии, кроме того, обе работы снабжены подробными таблицами начертаний знамен, знаменами которых автор проследживает по векам. Работы М. В. Бражникова, по справедливому замечанию Л. П. Костюхиной, имеют большое значение не только для изучения палеографии церковных рукописей, но и для палеографии древнерусской книжности вообще.

В последние годы опубликовано много небольших исследований по частным вопросам истории письма. Из них особо следует выделить важные для развития палеографии работы Л. П. Костюхиной,⁴⁶ основанные на тщательном изучении полууставных типов письма. Исследования полууставных почерков 290 датированных рукописей Москвы и русского Севера, автор приходит к интересным выводам. По мнению Костюхиной, среди полууставных почерков Москвы вплоть до последней четверти XVII в. был наиболее распространен тип русского полуустава со старопечатной основой.⁴⁷ Деление строк на слова она также относит ко второй четверти XVII в., связывая этот элемент письма с южным печатным книж. К концу 70-х годов создается «новый почерок» — так называемый круглицейный полуулав, образование которого автор объясняет взаимодействием ряда почерков, и том числе украинского полуустава, который распространился в Москве с конца 50-х годов XVII в., т. е. после воссоединения Украины с Россией.⁴⁸

⁴⁵ М. В. Бражников, 1) Русские церковные рукописи и русская палеография. Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 420—454; 2) Пути развития и задачи дифференциации знаменитого письма XII—XVIII вв. Применение некоторых статистических методов и исследованию музыкальных явлений. М.—М., 1949; 3) Архивная обработка церковных рукописей. Вопросы архивоведения, 1965, № 2, стр. 50—58.

⁴⁶ Л. П. Костюхина, Заметки по палеографии русских полууставных рукописей XVII века Кирилла Белозерского собрания. Археограф. ежегодник за 1962 г., М., 1963, стр. 215—220; 2) Из истории рукописного дела в России XVII века. Археограф. ежегодник за 1964 г., М., 1965, стр. 56—75; 3) Палеография рукописных книг России XVII века (Полууставные почерки Москвы и русского Севера). Автореф. дисс. на соев. ученой степени канд. истор. наук, М., 1965.

⁴⁷ Л. П. Костюхина, Палеография рукописных книг России XVII века, стр. 49.

⁴⁸ Там же, стр. 21.

Крутящийся полуустан впоследствии послужил основой для скорописи XVIII века. Только в поморских рукописях полуустан со стилистической основой сохранился без существенных изменений, хотя и несколько неуклюжим графическим вариантом.⁴⁹ Помимо приведенных нами выводов, в работах Л. П. Костюхиной много других палеографических сведений о внешнем оформлении рукописей и об организации вообще книжного дела в России XVII в.

Описание отдельных наблюдений над особенностями письма, имеющими косвенное значение для развития палеографии, посвящено несколько работ лингвистов. Некоторые наблюдения над графическими вариантами скорописи приведены в статье Р. В. Бахтуриной.⁵⁰ К ней примыкают статьи И. С. Филипповой по еще более частному вопросу — о написании слова «сечи» в скорописи XVIII в. и об особенностях пунктуации в скорописи.⁵¹ По сюжету к последней близка заметка А. С. Орешникова, в которой исследуются пунктуация в московских документах XVII в.⁵² В статье В. И. Дерягина изучаются связанные написания московской скорописи, которые могут служить «существенным подспорьем» при датировке.⁵³ Различные начерны буквы Ъ и Ы и их употребление в московских рукописях XVII в. рассматриваются в статье И. С. Филипповой.⁵⁴ Анализ выносных букв в рукописях XV—XVII вв. дан в статье О. В. Творогова.⁵⁵ Вопрос о происхождении и особенностях нумерации в славянских алфавитах исследуется в небольших статьях Р. А. Симонова⁵⁶ и Л. П. Жуконской.⁵⁷

⁴⁹ Там же, стр. 22.

⁵⁰ Р. В. Бахтуриной. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов. Лингвистическое источниковедение, М., 1963, стр. 35—37.

⁵¹ И. С. Филиппова. 1) Об одной графической детали в скорописи XVII в. Лингвистическое источниковедение, М., 1963, стр. 73—77; 2) О наблюдениях над элементами пунктуации в скорописи. Исследования по лингвистическому источниковедению, М., 1963, стр. 156—170.

⁵² А. С. Орешников. Заметка о пунктуации в московских документах XVII века. Исследования по лингвистическому источниковедению, М., 1963, стр. 171—174.

⁵³ В. И. Дерягин. Связные написания в северных устах XVI—начала XVII в. Источниковедение и история русского языка, М., 1964, стр. 203—210.

⁵⁴ И. С. Филиппова. Об употреблении букв Ъ и Ы в московских рукописях XVII века. Исследования по истории русского языка и письменности, М., 1960, стр. 162.

⁵⁵ О. В. Творогов. О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII веков. Исследования источников по истории русского языка и письменности, М., 1966, стр. 162—175.

⁵⁶ Р. А. Симонов. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. Источниковедение и история русского языка, М., 1964, стр. 14—36.

⁵⁷ Л. П. Жуконская. К истории буквенной цифры и алфавитов у славян. Источниковедение и история русского языка, М., 1964, стр. 37—43.

Первоначальная история славянского письма в последние годы была также предметом изучения в трудах Л. П. Жуковской⁵⁸ и главным образом В. А. Петрица.⁵⁹ Исследования по данному вопросу на за отсутствием реальных доказательств о времени и источниках возникновения глаголического и кириллического алфавитов строятся на рассмотрении существующих уже гипотез и наблюдений, полученных путем сравнительного анализа букв ранних славянских алфавитов. В результате такого и основного гипотетического исследования Жуковская и Петрица, признавая ранее высказанную точку зрения Гранстрем⁶⁰ об искусственном создании глаголического алфавита (Жуковская его создателем называет Константина Кирилла), приходят к диаметрально противоположным выводам о времени и последовательности появления обоих славянских алфавитов. По мнению Жуковской, «глаголица для письма и обозначения числа позникла раньше кириллицы для письма», которую она датирует первой половиной X в.⁶¹ Петрица, наоборот, считает, что обе азбуки стали использоваться в конце IX в., причем глаголица была создана на основе ранее существовавшей кириллицы.⁶²

За последние пятнадцать лет большинство результатов достигнуто в изучении бумаги и филиграней как одной из важных сторон палеографического анализа. Если и течение 35 лет после революции было опубликовано всего 3 работы,⁶³ посвященные специально филиграням, то начиная с 1952 г. таких работ, обстоятельных и мелких, вышло более 20, причем большинство из них принадлежит перу или связано с именем С. А. Клементова. В эти годы изучение водяных знаков на бумаге и основном или подумали: 1) исследование истории русских бумажных фабрик, их филиграней и штампов; 2) более углубленное изучение отдельных видов филиграней, а также издание и переиздание более ранних работ, снабженных новыми указателями и другим сир-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ В. А. Петрица. 1) 1100 лет славянской азбуки. М., 1963; 2) Возникновение и развитие письма. М., 1965.

⁶⁰ Е. Э. Гранстрем. О происхождении глаголической азбуки. Труды ОДРЯ, XI, М.—Л., 1955, стр. 302—303.

⁶¹ Л. П. Жуковская. К истории буквенной цифры и алфавитов у славян, стр. 42—43.

⁶² В. А. Петрица. Возникновение и развитие письма, стр. 435.

⁶³ І. Камалин, О. Вітвіцька. Водні знаки на папері українських документів XVI—XVII ст. (1566—1654). Київ, 1923; А. А. Герасименко. Рец.: Іван Камалин, Олександра Вітвіцька. Водні знаки на папері українських документів XVI—XVII ст. (1566—1654). Київ, 1923. Сб. «Книга и культура», Саратов, 1926, стр. 8—13; порекомендовано в: Slavica (Praha), 1927; С. П. Маслов. Из истории русской филигранной бумаги (неопубликованная часть работ К. Тромбовина «Изучение знаков, водяных и писчей бумаги», М., 1848). Изв. АН СССР, отд. гуманитарных наук, VII серия, 1934, № 3, стр. 225—234; А. Vasiljuskas. Pirmoji Kauno papieriaus dietur. Kaunas «Spindulio», 1937.

воющим аппаратом. Поступно ставились вопросы теории филиграфологии и значения филигранных для палеографического анализа.

Особо важное значение имеют работы справочного характера, последующие филигранны на бумаге русского производства, которые до 50-х годов не были изучены и утены в своем многообразии.

Русская бумажная промышленность получила свое развитие главным образом в XVIII в. С 30-х годов этого столетия бумага стала широко использоваться в рукописном деле и в документальной переписке, поэтому научение филиграфией на русской бумаге в последние годы, совпавшее с особым вниманием палеографов к изучению скороние XVIII в., способствовало углублению палеографического анализа памятников письменности XVIII в. Исследованиями русской бумаги, начиная с 1952 г., занимались С. А. Клешиков, М. В. Кукушкина и З. В. Учаскина. Результатом их исследований были три обобщенных справочника по филиграммам.⁶¹

В справочнике М. В. Кукушкиной, который вышел в 1958 г., дано описание 637 знаков и приведена краткая история 47 русских бумажных фабрик, составленная на основе архивных данных. Описание филиграфией построено по фабрикам, а в таблицах к ним филигранны расположены в хронологическом порядке, так как литеры менялись в связи со сменой владельцев. Указатель, составленный в порядке общего алфавита литер всех владельцев фабрик, дает возможность исследователю не только быстро найти нужную филигрань, но и датировать ее и границах времени употребления данных литер, соответствующих инициалам владельца и названию фабрики. В таблицах в сильно уменьшенном виде было воспроизведено около 150 знаков.

В работе С. А. Клешикова 1959 г. дано описание уже 881 русской и 562 иностранных филигранных и впервые приводятся описания инициалов, т. е. фабричных знаков: 222 русских и 70 иностранных. Около 220 знаков репродуцировано в натуральную пе-

⁶¹ С. А. Клешиков, *Филигранны и инициалы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века*, М., 1959. Данная работа является переработанным и дополненным изданием более раннего: С. А. Клешиков, *Филигранны и инициалы бумаг русского производства XVIII—XX вв.* Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 13, М., 1952, стр. 57—122; М. В. Кукушкина, *Филигранны на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в.* Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН, вып. 11 XIX—XX, М., 1958, стр. 285—374; З. В. Учаскина, *A History of Russian Hand Paper Mills and their Watermarks (Monumenta Chartae papiraceae Historica Illustranda or Collection of Works and Documents Illustrating the History of Papers, Hilversum, The Paper Publications Society, MCMXLII)*. Приложение на русском языке: З. В. Учаскина, *Из истории русских бумажных мануфактур и их водяных знаков*. Издание на англ. языке под ред. Д-ра С. Г. Симмонса. Хильверсум — Голландия, 1962. См. также: З. В. Учаскина, *Водяные знаки русской бумаги*. Труды Инст. истории естествознания и техники, т. 12, М.—Л., 1956, стр. 312—337.

личию и приложенном к описанию атласе. В книге, помимо справочного аппарата, есть полная библиография по филлиграммам зарубежных и русских изданий.

Наконец, в работе З. В. Учаскиной, изданной в Голландии, рассмотрены все описанные ею 815 филлиграмм и дана история развития русской бумажной промышленности на протяжении XVI—XIX вв.

Работа З. В. Учаскиной по русским филлиграммам, основанная на большом архивном материале и посетившая историю 228 мануфактур, является большим вкладом в изучение русского бумажного производства. К этой работе примыкает ее статья «Сибирская бумага и ее водяные знаки»,⁶⁵ в которой непосредственно в тексте даны описания и расшифровка филлиграмм бумажных фабрик Сибири. Таким образом, использование архивных данных для установления временных границ каждой из филлиграмм — метод, предложенный в ранней работе З. В. Учаскиной и использованный в работе М. В. Кукушкиной, сделал их датировку более обоснованной и точной. Такой первый шаг в изучении русских филлиграмм. Вторым сводится к тому, что метод описания филлиграмм в таблицах и порядке литерных обозначений, введенный еще П. А. Ревновым (Бумага в России это лет назад. Писче-бумажное дело, СПб., 1912) и широко используемой и развитой С. А. Кленниковым и М. В. Кукушкиной, облегчил не только датировку, но и издание сложных в нумерационном отношении работ по описанию филлиграмм.

Выше говорилось, что изучение водяных знаков вело также по линии углубленного исследования отдельных видов филлиграмм и создания их сводных таблиц на основе архивных и печатных данных. Такими работами С. А. Кленникова, в которых исследуются филлиграммы «Герб города Амстердама»⁶⁶ и «Голова шута»,⁶⁷ а также совместная статья С. А. Кленникова и М. В. Кукушкиной, посвященная филлиграмме «Pro Patria».⁶⁸

Следует отметить, что эти небольшие справочного характера работы, в которых филлиграммы описаны в алфавите их литерных обозначений, облегчающие поиски пукной филлиграммы, весьма полезны и удобны для исследователей.

⁶⁵ З. В. Учаскина. Сибирская бумага и ее водяные знаки. Изв. Сибирского отд. АН СССР, 1965, стр. 89—106.

⁶⁶ С. А. Кленников. Бумага с филлиграммой «Герб города Амстердама». Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 20, М., 1958, стр. 345—352. Дополнение к ней см. в вып. 26, М., 1963, стр. 479—485.

⁶⁷ С. А. Кленников. Бумага с филлиграммой «Голова шута (fool's head)». Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 20, М., 1958, стр. 405—478.

⁶⁸ С. А. Кленников и М. В. Кукушкина. Филлиграммы «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения. Сб. статей и материалов ГАИ СССР по юбилейному (к 400-летию русского книгопечатания), М., 1965, стр. 83—192.

Кроме указанных работ, при участии С. А. Клешикова был издан в 1963 г. альбом филиграней, подготовленный А. А. Герасимовым в 30 е годы, но не опубликованный им.⁶⁹ Альбом содержит неопубликованные 1518 водяных знаков XVII в. и снабжен необходимыми указателями и другим справочным аппаратом, составленным С. А. Клешиковым. В том же 1963 г. С. А. Клешиковым был издан указатель к работе К. Я. Тромбина,⁷⁰ облегчающий пользование этим ценным справочником. И, наконец, в 1966 г. также при участии С. А. Клешикова альбом К. Я. Тромбина⁷¹ был фотомеханическим способом переиздан в Голландии с необходимыми дополненными справочного характера.

Вопросы теории изучения и издания водяных знаков затронуты в одной из статей С. А. Клешикова.⁷² В ней автор, подводя итоги изучению филиграней, выносит на широкое обсуждение вопросы, существующие исследователей водяных знаков. Основная цель этого обсуждения — найти наиболее целесообразную форму справочника по филиграням.

Нами названы самые значимые и важные труды по филиграням, изданные в советские годы. Библиографии всех работ по филиграням приведена и упомянутому труде С. А. Клешикова 1959 г., и продолжение дано в его статье «Новые работы по филигранологии и филигранографии».⁷³

В палеографическом анализе важное место занимает внешнее оформление текста рукописей, прежде всего ее орнамент и миниатюра. За последние годы советскими учеными немало сделано в изучении этого раздела палеографии. В исследовании орнамента и миниатюра принимали участие ученые разных специальностей: искусствоведы, литературоведы, историки и палеографы. И хотя выводы каждого из специалистов ограничиваются сферой соответствующим интересом, дальнейший синтез их наблюдений дает материал для палеографических обобщений. Назовем некоторые из последних, наиболее важные работы. Прежде всего к ним следует отнести обстоятельный труд Т. Б. Уховой,⁷⁴ который является

⁶⁹ А. А. Герасимов. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1962.

⁷⁰ К. Я. Тромбин. Назначение знаков, водяных и шпечей бумаги. М., 1844.

⁷¹ Monumenta Cartae papiraceae Historiam illustrantia or Collection of Works and Documents illustrating the History of Paper, Hilversum, MCMLXV.

⁷² С. А. Клешиков. Проблемы филигранографических публикаций. Археограф. ежегодник за 1962 г., М., 1963, стр. 323—330.

⁷³ Зав. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 26, М., 1963, стр. 486—491; см. также: J. Louÿs. Papiers et la décoration latvija XIX et. pismai russe. Vestures problemis, III, Riga, 1960, pp. 175—206; Г. А. Еким. Производство бумаги и Латвии до середины XIX века. Из истории техники Латвийской ССР, V, Рига, 1963; Е. Т. Лансе и Г. Е. К. Papiertis Latvijoje XV—XVIIIa. Vilnius, 1967.

⁷⁴ Т. Б. Ухова. Миниатюра, орнамент и шрифты в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Зав. Отдела рукописей Гос. биб-

в своей основной части каталогом, где описано 347 орнаментированных или иллюстрированных рукописей. Во вступительной части работы, представляющей собой исследование, рукописи систематизированы в таблицах по группам орнамента, что дает возможность на основе орнаментальных данных датировать напечатанные письменности в пределах трех столетия, а иногда и локализовать их по месту создания. К каталогу приложено воспроизведение по группам элементов орнамента. Рецензируя работу Т. В. Уховой, Е. Д. Немировский пишет: «Самым важным открытием Т. В. Уховой мы считаем установление факта повторяемости не только отдельных мотивов, но и схем распространения целых заставок. Это дало ей возможность говорить о существовании в нашей книжности своеобразного образа — «орнаментального подлинника», которым руководствовались мастера древнерусской рукописной книги».⁷⁵

В 1961 г. вышла книга В. Н. Макарева «Феофан Грек и его школа». В книге воспроизведены все миниатюры, заставки и большие инициалы Евангелия Хитрого. Автором выявлена московская школа миниатюры, основанная Феофаном Греком.

Художественному оформлению рукописных памятников посвящена и монография А. Н. Свирица «Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв.».⁷⁶ По словам самого автора, эта монография не является переизданием его более ранней книги.⁷⁷ Она дополнена в ряде разделов новым материалом, а кроме того, расширен обзор орнаментированных памятников включением в него номеров рукописей XVIII в. «как завершающего этапа развития орнаментации рукописей».⁷⁸

Исключительное значение для палеографического анализа имеет изучение О. И. Подобедовой лицедных рукописей. В своей обстоятельной монографии⁷⁹ она исследовала три основных памятника письменности, один из которых содержит около 16 тыс. миниатюр, — это Лицевой свод XVI в. Изучение позволило ей установить единую непрерывную традицию в развитии лицедного летоисчисления на протяжении XV—XVI вв., уточнив на основании миниатюр датировку хроники Георгия Амартола, пересмотреть вопрос о месте и времени создания Радзивилловской летописи, ко-

литери СССР им. Г. И. Лесина, вып. 22, М., 1960, стр. 5—26, 74—103, 217—311.

⁷⁵ Е. Д. Немировский. Библиографическое описание художественного убранства древнерусской рукописной книги. Вопросы архивоведения, 1962, № 3, стр. 124—127.

⁷⁶ А. Н. Свирица. Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв. М., 1964.

⁷⁷ А. Н. Свирица. Древнерусская миниатюра. М., 1950.

⁷⁸ А. Н. Свирица. Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв., стр. 7.

⁷⁹ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей (К истории русского лицедного летоисчисления). М., 1965.

личестве художников, ее оформивших, высказать предположение о ее заказчиках и другие вопросы. Особенно тщательно и живо исследована миниатюра Лицевого свода, в результате чего не только уточнена датировка рукописи, но и усвоены методы работы древнерусских книжников и миниатюристов.⁵⁰

На большом, тщательно исследованном материале строит свои выводы об орнаменте и миниатюре рукописных книг Северо-Восточной Руси Г. Н. Вадринов. В его диссертации, которая, судя по автореферату,⁵¹ состоит из 3 томов, среди других вопросов прослеживается эволюция орнамента и лицевой миниатюры рукописей Северо-Восточной Руси на протяжении XII—XV вв. и намечаются пути распространения художественных традиций по городам и монастырям, а также хронологические границы смены стилей.

Ко внешнему оформлению рукописной книги относится и переплет, значение которого для палеографического анализа ярко выражается в работах С. А. Кленникова. В одной из статей автор рассматривает особенности и технику переплета на протяжении XIII—XX вв. в установленные им хронологические периоды, выделяет «две основные линии развития искусства одевания книги — церковную и гражданскую».⁵² Другая работа С. А. Кленникова⁵³ примыкает к упомянутому труду Т. П. Уховой. Уместно и ее название описанной каталогом С. А. Кленникова по шведским исследует переплеты по группам и дает альбом, содержащий 588 рисунков.

По мнению Е. Л. Немировского, «важным открытием С. А. Кленникова было установление повторяемости схем планировки переплетов в определенных хронологических рамках». С. А. Кленников смог выделить три основные группы планировки: переплеты «судовенные», переплеты Троице-Сергиевой лавры и переплеты Московского печатного двора. Он привел схемы этих планировок с определенными вариантами и указал басмы, срединки и пакатки, которые использовались в этих схемах.⁵⁴

Представление об исследованных советской наукой области палеографии будет неполным, если мы не упомянем о некоторых изданных древних памятниках письменности, вышедших в последние

⁵⁰ Там же, стр. 316.

⁵¹ Г. Н. Вадринов. Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII—начала XV в. как памятники искусства. Автореф. дисс., МГУ, 1967.

⁵² С. А. Кленников. Из истории русского худ. гражданского переплета. Книга. Исследования и материалы, сб. 1, М., 1956, стр. 98—106.

⁵³ С. А. Кленников. Орнаментальные украшения переплетов конца XII—первой половины XVII в. в рукописях Троице-Сергиевой лавры, Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 22, М., 1960, стр. 57—73, 345—463.

⁵⁴ Е. А. Немировский. Библиографическое описание художественного убранства древнерусской рукописной книги, стр. 426.

годы. Они выполнены с учетом последних данных палеографического анализа, с одной стороны, а с другой стороны, дают самый полный материал для практики палеографии. В изданиях памятников несомненно принимали участие историки, лингвисты и филологи, но особенно много сделано в этом плане М. Н. Тихомировым. При его участии или под его наблюдением издавна были в 1961 г. два тома «Закона судного людия», краткой редакции, пространной и сводной. В этом издании для палеографического обозрения основные санскри-воспроизводятся фотомеханически, а при передаче текста сохраняются особенности орфографии и графики, в том числе титлы, выносные буквы без их раскрытия и даже пунктуация петровщика. В 1964 г. полностью фототипическим способом, позволяющим выявить особенности знака и весь внешний вид текста рукописи, под наблюдением М. Н. Тихомирова издавна Новгородская харатейная летопись.

Новые методы палеографического исследования использованы при подготовке к изданию «Изборника 1076 года». Это издание выполнено лингвистами В. С. Гольцманенко, В. Ф. Дубровиной, В. Г. Демьяновым и Г. Ф. Нефедовым под ред. С. П. Коткова (М., 1965). Во вступительной части к публикации дано обстоятельное палеографическое описание рукописи, текст ее передается с сохранением орфографии и других особенностей древнерусской графики, приводится также текст на греческих статьях, соответствующий тексту в Изборнике, отдельные листы из рукописи и ее внешний вид воспроизводятся фотомеханически. Наконец, одна из глав издания посвящена оптико-фотографическому исследованию рукописи, позволившему с помощью нового метода фотоанализа, разработанного Д. П. Эрастовым, выявить угасшие и закрашенные места текста сильно дефектной рукописи.⁸¹

Таким образом, за последнее время вышло много работ, в которых рассматриваются разные аспекты палеографии. Исследовались бережливные грамоты, филиграны, орнамент и миниатюры, заново описано много собраний и отдельных рукописей, изучались, хотя и в меньшей степени, типы письма. Все это уже сейчас дает богатый материал для теоретических обобщений. Однако до сих пор не решены многие проблемы, требующие осмысления именно палеографического значения, взаимосвязанных с общесторонними процессами. Решение этих назревших вопросов поможет создать единую стройную периодизацию в русской палеографии, на основе которой возможно будет создание обобщающих исследований по палеографии.

⁸¹ В. С. Гольцманенко, В. С. Люблинский, Д. П. Эрастов. Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и источниковедения. Проблемы источниковедения, IX, 1964, стр. 408—432.